



Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 146–160, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-146-160
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.37

Mother Tongue in the Context of a Polyethnic Country

Aisa N. Bitkeeva¹

¹ Ph. D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Leading Research Associate, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russian Federation). E-mail: aisa_bitkeeva@yahoo.com.

Abstract

The article analyzes the role of mother tongue in present-day polyethnic countries, specificity of ethnic language identity, correlation between the level of ethno-linguistic identity and language competence through the example of the Oirat-Kalmyks.

In recent decades, research of the ethno-linguistic factor in ethnic identity of ethnos has become especially urgent that is caused by a trend of growth in ethnicity level world-wide.

Each individual perceives reality through language which reflects the entire life experience, history of the ethnos. Language is one of the symbols of ethnic unity, so that when the national identity of an ethnos gets promoted — a revival of the ethnic language comes first.

Changes in ethno-linguistic identity and in native language have affected both Russia's Kalmyks who have a separate administrative territory, the Republic of Kalmykia, and are an integral part of the Russian nation, and Oirat-Kalmyk communities represented by diasporas in different regions of the world. Attempts to form a new ethnic identity of the Kalmyk ethnos at the present time suggest that the revival of ethnic identity — in terms of culture and policy — is urgent for the Kalmyks who lost it due to various objective and subjective reasons.

The main social and psychological factor affecting the vitality of a language is ethno-linguistic identity. High level of ethnic identity, as a rule, neutralizes negative factors in the functioning of the language, while its low level results in a loss of the language; moreover, younger generations can sometimes adopt 'language nihilism' towards the mother tongue.

But this interaction between language and ethnic identity is ambiguous. For example, the Oirats of China and the Volga Kalmyks have a high level of ethnic language identity but the virtual level of language competence in mother tongue among the Kalmyks of Russia as compared to that of Xinjiang Oirats is much lower.

The difference is in the approach to the phenomenon of 'native language/mother tongue'. 'Mother tongue' usually means the language of the family in which primary speech skills are formed. 'Ethnic language' stands for the language of the ethnos, i.e. it is an ethnic symbol.

The Volga Kalmyks in most cases confuse these notions and, unable to speak the native language, by the 'mother tongue' mean an 'ethnic symbol'. Probably, this mother tongue knowledge gap in the high level of ethnic identity of Volga Kalmyks is compensated by other important elements of their ethnic identity, such as common historical past, ethnic traditions, customs, religion, etc. The Kalmyks of Russia have experienced a strong cultural influence of the dominant community, Russification process takes place but the high level of ethnic identity is still retained.

For the Oirats of China the 'mother tongue' is actually their mothers' language, the language of family communication which forms their primary speech skills. The main distinguishing feature of China's Oirats is that they are more integrated into their own ethnos, their native language which is the bearer of traditions, history, culture of the people, functions as an intra-ethnic communication mean. It

should be also noted that the significance and degree of use of language depend on historical, social, geopolitical factors.

On the materials of the sociolinguistic research performed from 2002 to 2016, the author has considered these peculiar aspects of the role of the native language in the development of Oirat-Kalmyk communities, the structure of their ethnic identity and language transformations in the ethnic groups of the Oirat-Kalmyks residing in different regions of the world.

Keywords: mother tongue, language attitudes, ethnic language identity, language situation, language policy, polyethnic countries

В последние десятилетия в обществе наметился рост этнического самосознания, для понимания же поведения всей общности следует учитывать представления о себе отдельных ее членов, поскольку каждый человек является частью какой-то группы, отличающейся возрастной, этнической, профессиональной, политической и прочими характеристиками. Носителями этнического компонента являются все общности, но каждая социальная группа общества отражает этнические представления по-разному.

В настоящее время этнокультурная специфика особенно наблюдается у урбанизированных народов: она почти утратила свое значение в материальных формах жизнедеятельности, но в значительной степени представлена в духовной жизни общества, языковых аспектах, особенностях мировоззрения, народной психологии. Изучение факторов, влияющих на механизм формирования национального самосознания, стало социальной потребностью, так как позволяет научно воздействовать на развитие национальных процессов в обществе. Национальное самосознание формируется из факторов, которые играют решающую роль в возникновении и развитии нации, складывающейся под воздействием процесса национальной консолидации, развития экономических связей и т. д. Общность территории и языка, традиции, обычаи, система национальных ценностей — все эти факторы влияют на возникновение и развитие национального самосознания. Не являясь прирожденным признаком, национальное самосознание развивается из более древних форм сознания этнической общности и проходит ряд этапов, соответствующих стадиям развития общества [Кушнер 1951: 42]. Большую роль в этническом самосознании играет эмоциональный фактор, т. е. осознание представителями этнической группы своей этнической принадлежности, места в обществе. При этом язык является одним из самых важных факторов формирования этнического самосознания. В связи с этим все

чаще в науке уделяется пристальное внимание исследованиям, посвященным проблеме этнического самосознания.

Ученые в разные исторические периоды обращались к проблеме взаимосвязи языка и этнического самосознания. Древние философы объясняли различия в языке, культуре, внешности, экономике народов особенностями климата, географическим положением, влияющими по-разному на организм и психику человека. В XIX в. стали появляться теории, в которых язык расценивался как выразитель «народного духа». Так, Вильгельм фон Гумбольдт, немецкий языковед, философ и психолог, в своем исследовании «Психология народов» писал, что психология народов — это наука о душе народа, которая проявляется в языке, мифах, религии, обычаях, нравах, искусстве и т. д. [Вундт 1912: 7]. Одними из первых, кто обратил внимание на связь языка и этнического самосознания, были представители психологического направления в языкознании — М. Лацарус, И. Герbart и Г. Штейнталь. По мнению М. Лацаруса и Г. Штейнталя, содержание «народного духа» должно быть раскрыто путем сравнительного изучения языка, мифологии, морали и культуры. Языку же отводится первое место, так как он и являет собой «дух народа», запечатлевая в себе мудрость, восприятие мира, историю народа [Будилова 1983]. Языковед В. Вундт считал, что «язык содержит в себе общую форму живущих в духе народа представлений и законы, их связи. Мифы таят в себе первоначальное содержание этих представлений в их обусловленности чувствованиями и влечениями. Наконец, обычаи представляют собой возникшие из этих представлений и влечений общие направления воли» [Вундт 1912: 32]. Французский ученый Г. Лебон писал, что «...каждый народ обладает душевным строем, столь же устойчивым, как и его анатомические особенности, и от него-то и происходят его чувства, его мысли, его верования и его искусства» [Лебон 1896: 87].

К основным проявлениям душевного строя народа он относил и язык.

В российском обществе до середины XIX в. проблема осознания национальных особенностей как таковая не стояла: единство народа связывалось в основном с единством языка, территории, религии. Только позже, в связи с социальными переменами в России, с середины XIX в. появился интерес к данной проблематике и были предприняты первые исследования на эту тему. Известный лингвист А. А. Потебня был последователем гумбольдтовских идей, создавшим собственную концепцию языка, основанную на психологическом подходе. Ученый считал, что главным этнодифференцирующим и этноформирующим признаком любого этноса, обуславливающим его существование, является язык: «... язык — это главный социально-психологический фактор, который объединяет общность людей, утрата языка означает денационализацию. При таких условиях народу нужно заново создавать формы сознания на «новом языке», при этом при подобной ломке неизбежно на месте вытесняемых форм сознания воцаряется мерзость запустения и занимает это место до сих пор, пока вытесняющий язык не станет своим и вместе с тем не принаровится к новому народ. Люди, по правилу, добровольно не отказываются от своего языка, между прочим, в силу бессознательного страха перед опустошением сознания» [Потебня 1913: 209]. Последователь А. А. Потебни Д. Н. Овсяннико-Куликовский, пытаясь в своих трудах по проблемам русского языка выявить механизмы формирования этнопсихологического своеобразия наций, писал, что язык является стержнем народной мысли и психики, формой накопления и сбережения психической энергии народов. Он полагал, что язык среды, в которой человек вырос и который усвоил с детства, становится необходимым в повседневной жизни, это язык семьи, родины. Национальность определяется родным языком, так как именно этим языком устанавливается связь человека с национальной средой [Овсяннико-Куликовский 1922: 27]. «Если же эта связь нарушается и индивид утрачивает лингвистическую связь с отечеством, то он может оказаться русским подданным и даже быть русским патриотом, но по языку и по национальности он — француз». Если же «... человек в совершенстве владеет двумя языками, которые для него

одинаково «свои», «родные», — такой человек является обладателем двух национальных укладов, и он психологически сложнее двух, у него не одна национальная душа, а две» [Овсяннико-Куликовский 1922: 27].

Примерно с 40-х гг. XX в. понятие «самосознание» в российской науке стало рассматриваться в качестве одного из признаков народа. Исследования «этнического самосознания» начали активно проводиться с конца 60-х гг. XX в. Сформированные в этот период в России, США и других странах положения относительно значимости национального самосознания становятся особенно актуальными. Американский этнолог М. Мерман считал, что наиболее научным основанием для выявления границы между двумя общностями являются этническое самосознание и самоназвание этих групп [Moerman 1965: 1219–1220]. Проблемы этнического самосознания, межэтнических отношений, положения этнической группы в обществе нашли отражение в работах многих ученых [см.: Бромлей 1983; Гумилев 1994; Дробижева 1985; Тишков 1993; 2002 и т. д.].

В научной литературе существуют различные подходы к определению понятия «национальное самосознание». Некоторые исследователи понимают «национальное самосознание» узко, лишь как основание принадлежности к тому или иному этносу [Козлов 1974: 82]. Преобладающим является подход, согласно которому национальное самосознание не сводится лишь к сознанию национальной принадлежности, а представляет собой осознание нацией самой себя как целостной и устойчивой социально-этнической общности [Бромлей 1983: 190]. Понятие этнического самосознания наиболее полно раскрыто в концепции Ю. Б. Бромлея в труде «Очерки теории этноса» [Бромлей 1983]. Им выделены следующие составляющие этнического самосознания: представление об общности исторического прошлого народа, языке, территориальной общности, — связанные при определенных конкретно-исторических условиях с государственной общностью, религиозным классовым самосознанием [Бромлей 1983: 176–183]. Следовательно, с самосознанием нации главным образом связывается представление об общности, идентичности таких форм общественного сознания, как язык, национальная культура, нормы и ценности, присущие определенной нации. Помимо термина «эт-

ническое самосознание» в научной литературе используется термин «этническая идентичность». Само понятие идентичности сложно и многозначно. Эта проблема сегодня рассматривается исследователями разных областей знания. Язык и этническая идентичность исследовались отдельно, и исследователи их рассматривали в функциональном и внутрисктурном аспектах. В зарубежных исследованиях под этнической идентичностью понимается совокупность представлений об этнообъединительных и этноразграничительных признаках у индивида. Существует также термин «этническая идентификация», обозначающий динамический процесс, в то время как идентичность — это результат такого процесса. Термин «этническая идентичность» используется на уровне индивида или группы; термин же «этническое самосознание» употребляется на уровне группы для трактовки группового сознания (национального, религиозного и т. д.) [Dashefsky, Shapiro 1974: 7]. Этническая самоидентификация является основным элементом этнического самосознания. Этническая идентичность трактуется как субъективный процесс причисления индивидуумом себя к той или иной этнической группе, общности [Этнические и этносоциальные категории 1995: 43].

В восточной науке проблема идентификации национальностей выглядит специфично. Например, ввиду полиэтничности Китая и острой необходимости проведения работы по идентификации национальностей китайскими исследователями были сделаны попытки осуществить этническую идентификацию на основе учета обычаев и привычек, а также данных о происхождении этнической общности, используя языковой критерий. Однако учета этих параметров недостаточно. По мнению исследователя Ян Кунь, при этнической идентификации прежде всего следует установить наличие «устойчивой общности», которая демонстрирует исторически сложившиеся языковые, социально-экономические, культурные, ментальные особенности, затем, основываясь на этническом самосознании этноса, т. е. самостоятельном волеизъявлении этноса, признать его самостоятельной национальностью. Ученый отметил, что признаки языка, территории, экономических связей могут быть утрачены, но этноним и этническое самосознание остаются [Москалев 2001: 151].

Как мы видим, существование различных толкований, подходов к явлению этнического самосознания свидетельствует о том, что теория этнического самосознания является дискуссионной в отечественной науке до настоящего времени. Единой концепции в трактовке этого понятия пока не существует, что, естественно, объясняется сложностью данного явления, разными социо-историческими причинами, экономическими трансформациями общества, кризисными явлениями в стране.

Однако ясно, что родной язык является одним из определяющих факторов формирования этнического самосознания человека. Если ранее при изучении этноязыковых процессов исследователи уделяли внимание лишь социально-историческим и культурным проблемам, то характерной чертой исследований последних десятилетий стали такие параметры, как языковые предпочтения этноса, ценностные ориентации и т. д. Все исследователи сходятся во мнении, что язык является одной из ключевых составляющих этнического самосознания народа, играя важную роль в процессе этнического самоопределения индивида. Как считают ученые, языковой признак занимает ведущее место в субъективной оценке этнообъединительных и этноразделительных функций.

Актуальность исследования роли родного языка в этнической идентичности народа объясняется изменившейся языковой ситуацией под воздействием глобализационных и миграционных процессов в современном мире. Процессы изменения этноязыковой специфики национального самосознания коснулись как российских калмыков, имеющих отдельное территориальное образование и являющихся составной частью русского этноса, так и калмыков, проживающих небольшими диаспорами в разных регионах мира.

Некоторые представители некогда однородной в языковом и культурном плане общности не признают родным «свой» язык, а пользуются в повседневной жизни «чужим» языком, однако обычно при этом сохраняется позитивное эмоциональное отношение к родному языку. Родной язык служит одним из основных признаков национальной (этнической) принадлежности человека, неким важным этническим символом. Данное положение особенно актуально для многонациональной и многоязычной Российской

Федерации, для большинства этносов которой по данным полевых исследований понятие «родной язык» неразрывно связано с понятием языка своей народности независимо от степени владения им и является одним из основных показателей национальной принадлежности.

Попытки формирования в настоящее время нового национального самосознания калмыцкого этноса говорят о том, что возрождение национальной идентичности в культурном и политическом плане необходимо калмыкам, в некоторой степени утратившим ее в силу разных причин, прежде всего социально-политических. На сегодняшний день существует необходимость научного анализа основных процессов и породивших их факторов в национальном самоопределении калмыков. Интересным представляется изучение проживания этнической группы в иноэтнической среде, составляющей иногда этническое меньшинство и зачастую имеющей обостренные национальные чувства. В настоящее время эта проблема является одной из наиболее актуальных. Подобное исследование дает возможность сравнивать процессы и особенности формирования национальной самоидентификации российских калмыков и калмыков, проживающих диаспорами за рубежом, и яснее демонстрирует основные причины, повлиявшие на формирование национального самосознания российских (поволжских) калмыков. Игнорирование же учета этнического самосознания различных этнических групп, входящих в многонациональный состав страны, приводит зачастую к различного рода конфликтам. Этот анализ важен для планирования языковой политики страны, регулирования межэтнических отношений в регионе. Факторы, влияющие на формирование этнической самоидентификации калмыков, позволяют выявить перспективы развития этноса, проживающего в таких многонациональных государствах, как Россия и Китай. Мы попытаемся проанализировать роль этноязыкового компонента в этническом самосознании ойратов и калмыков на современном этапе на основе материала массовых социолингвистических исследований, проведенных среди этноязыковых общностей калмыков Республики Калмыкия, ойратов Синьцзян-Уйгурского района и Внутренней Монголии Китая (при исследовании учитывались существующие печатные материалы по калмыцким общностям Америки и Европы).

Признавая значимость языка в формировании этнического самосознания и того факта, что этноязыковой критерий является одним из основных при характеристике этнической общности, следует сделать оговорку, что существующая взаимосвязь между языком и этнической идентичностью неоднозначна. Китайские исследователи также отмечают, что изучение природы понятия «родной язык» имеет важное теоретическое значение, в процессе которого следует разграничивать критерии его исследования — лингвистический и психологический. При этом представляется важным учет этнического самосознания. Так, юннаньские монголы 700 лет назад использовали монгольский язык, однако на современном этапе они говорят на языке *гачжо*: при ответе на вопрос о родном языке они отвечают: «Либо язык *гачжо*, либо монгольский». В последнем случае, по мнению китайских исследователей, срабатывает этническое самосознание [Москалев 2001: 147]. Подобная ситуация наблюдается и в отношении волжских калмыков. Категория «родной язык» ранее была включена в программы российских переписей населения как признак этнической принадлежности, характеризующий этноязыковое самоопределение респондентов. Как считают исследователи, уровень полной языковой ассимиляции количественно можно определить как число лиц, указавших в качестве родного языка язык другой национальности [Чешко 1996: 125–126]. Но, по нашему мнению, данные по языку согласно переписи нельзя считать правильными, т. к. здесь учитывается социально-эмоциональный, оценочный, фактор, а не реальное знание языка. Следует учесть, что в данных переписи населения в Республике Калмыкия указывается число *считающих* калмыцкий язык родным, а не *говорящих* на нем, поэтому показатель демографической мощности преимущественно свидетельствует о желании знать родной язык, ценностной ориентации калмыков, а не о фактическом владении языком. Так, по данным переписи населения 1979 г. 91,3 % калмыков назвали калмыцкий язык родным, в 1989 г. численность этой группы составила 96 %. Как показало наше исследование, в реальности у калмыков России существует значительная разница между низким уровнем знания калмыцкого языка и высоким уровнем языкового самосознания этноса. В таком случае следует определить понятие

«родной язык». Под этим термином обычно подразумевают язык семьи, на основе которого формируются первичные речевые навыки. «Национальный язык» подразумевает язык этноса, этнический символ нации. Эта градация особенно четко прослеживается у калмыков: многие путают эти понятия, и, все же не владея калмыцким в качестве «родного языка», указывают «этнический, национальный язык», имея, вероятно, подсознательно в виду язык как этнический символ. Возможно, языковой пробел в высоком уровне национального самосознания у калмыков компенсируется другими важными для них элементами национальной идентификации, такими как общее историческое прошлое, национальные традиции, обычаи, религия и т. д. Но следует заметить, что значение и степень использования языка зависят от исторических, социальных, геополитических факторов.

По данным нашего исследования, 95 % ойратов Внутренней Монголии указали ойратский язык в качестве родного языка, 5 % опрошенных — китайский, среди ойратов Синьцзяна 100 % указали ойратский как родной язык. Уровень реального знания родного языка ойратами Китая полностью соответствует оценочному уровню, хотя, ввиду полиэтничности состава региона их проживания, многие ойраты Китая владеют несколькими языками помимо родного ойратского, что является следствием исторического взаимодействия этносов. Языковое единство складывается в процессе исторического развития этнических общностей, выполняя функции средства коммуникации, передачи национальных традиций, культуры народа и т. д. Специфика языковой ситуации заключается в том, что большинство ойратов в качестве языка повседневного и внутрисемейного общения используют родной язык, в отличие от калмыков России. Как показал опрос, китайский язык для ойратов Китая функционально является вторым языком. Так, 85 % информантов стали изучать китайский в возрасте от 5 до 15 лет, 15 % опрошенных овладели китайским в возрасте от 15 до 25 лет. Что касается сфер, в которых впервые происходит овладение ойратами китайским языком, то, как указали 90 % опрошенных, это школа, 5 % отметили общение с населением, 5 % — армию. Следует отметить, что среди ойратов Китая много тех, кто не владеет, либо плохо владеет китайским языком, поскольку у них

отсутствует острая необходимость в его использовании. Следовательно, у ойратов Китая существует естественная языковая среда, что подтверждается еще и тем фактом, что с детства 82 % информантов говорили в семье только на родном ойратском языке [ЛААБ].

Исследователь Э.-Б. Гучинова считает, что эпоха глобализации расщепила значение понятия «родина», которая подразделяется на историческую, символическую и мифологическую. Для калмыков-эмигрантов историческая родина находится в Европе (Югославия, Франция, Германия); символическая родина — Республика Калмыкия, единственное государственное образование калмыков; мифологическая родина — Джунгария в Синьцзяне; виртуальная родина — Интернет. В последние десятилетия у калмыков исторический дискурс делает акцент уже не на вхождении в состав России, а на раннем периоде истории — на истории ойратов: активисты одной из калмыцких общественных организаций предлагали изменить название «калмыки» на «ойрат-калмыки»; также предпринимались попытки введения двойного этнонима для обозначения современного калмыцкого этноса. Исследователь указывает, что смена идентичности калмыков в связи с изменениями в этнополитической истории в XX в. происходила в переломные для российских калмыков годы:

- 1918 / 1920 — 1943 гг. — переход от примордиальной (исконно этнической. — *А. Б.*) идентичности к советской (конструируемой — *А. Б.*). Период гражданской войны и первый исход, периоды модернизации, смены традиционного хозяйства, период консолидации калмыцкого этноса, языковые реформы калмыцкого языка (смена графики), активное развитие двуязычия.

- 1943–1956 гг. — период депортации калмыцкого народа, формирование стигматизированной идентичности, вынужденный отказ от маркеров этнической культуры, языка, религии, обычаев, традиций.

- 1957–1993 гг. — формирование советской калмыцкой идентичности. Период активного строительства всех сфер жизнедеятельности калмыков от хозяйственной до культурной.

- 1993–2003 гг. — постсоветская идентичность, период новой формы государственности, переосмысления своей истории [Гучинова 2004: 215].

Для калмыцкой эмиграции Э.-Б. Гучинова представляет иную схему смены идентичности, что естественно, иные социо-исторические условия:

- 1920–1951 — период дисперсного проживания калмыков беженцев в разных странах Европы, надежда на временность пребывания вне Калмыкии, основным маркером идентичности калмыков-эмигрантов является религиозный — буддизм. В самосознании эмигрантов-калмыков существует система уровней локальных идентичностей, как-то: род, станица, улус.

- 1952–2003 гг. — период формирования калмыцко-американской идентичности, период адаптации этнической группы в доминантном обществе [Гучинова 2004: 415–419].

В первую очередь, влияние доминантной культуры выражается в переходе от русско-калмыцко-английского многоязычия старшего поколения к одноязычию младшего поколения. По мнению исследователя, для американских калмыков характерна множественная идентичность, предпочтение внутригрупповых браков, следование буддизму, почитание калмыцких традиций. Множественная идентичность американских и волжских калмыков демонстрирует гибридный характер культуры и отсутствие системной культурной нормы [Гучинова 2004: 215, 415–419].

Чувство общности у этнической группы связано с такими важными аспектами, влияющими на национальное самосознание, как любовь к языку, гордость за народ, его историю. Эти компоненты национального самосознания важно учитывать, поскольку они характеризуют психологию человека как члена этнической группы. Показателем значимости этнической идентичности в сознании представителей ойратов КНР и калмыков России служат ответы респондентов на вопрос о национальности. Здесь наблюдается разделение на две группы. Первая группа респондентов, превалирующая численно, признает важность определения своей национальной принадлежности: их принадлежность к своей национальности оценивается в общем положительно. Так, по нашим данным, национальность значима для 97 % волжских калмыков, 98 % синьцзянских ойратов и 98 % ойратов Внутренней Монголии. В целях выявления отношения представителей калмыцкого этноса к собственной этнической группе проанализи-

рованы ценностные ориентации, включающие в себя гордость за язык, нацию, удовлетворение членством в этнической общности и т. п. Так, 98 % ойратов Китая гордятся своей этнической принадлежностью, 2 % опрошенных индифферентны к данному факту [ЛААБ]. По данным исследования, проведенного среди волжских калмыков в конце 1990-х гг., 96 % волжских калмыков выразили чувство гордости за свой народ, 90 % выразили чувство интереса к культуре, истории своего этноса [Имкенова 1999: 68]. Интерес к этнической культуре в настоящее время, вероятно, обусловлен в определенной степени процессами возрождения национальной культуры и языка в Республике Калмыкия. В этом деле определенную роль играют средства массовой информации, являющиеся одним из основных источников получения сведений о национально-культурных ценностях, и школа как источник получения знаний о языках и культурах других этносов.

По мнению исследователей, при понимании национальности следует различать следующие критерии: «сакральный», «этноисторический», «патриотический» [Здравомыслов 1996: 23–32]. Так, исследование показало, что для ойратов Китая и американских калмыков принадлежность к своему этносу несет в первую очередь «этноисторический» и «сакральный» смысл, для волжских же калмыков важен «патриотический» и «сакральный» смысл.

Известно, что особенно мощным фактором самоуничтожения общности является этногенетическая миксация, т. е. смешанные браки. Понятно, что глобализационные процессы приводят к тому, что на современном этапе в менталитете этноса, в частности, калмыков, доминируют социокультурные черты принимающего общества, но в ситуациях с этнорасовыми и этноязыковыми проблемами у них проявляется этническое самосознание. Известно, что, например, американские калмыки по этой причине стараются женить своих сыновей на калмычках из России, специально отправляясь с этой целью в Калмыкию. Дети от смешанных браков обычно двуязычны, обладают смутным этническим и, в частности, этноязыковым самосознанием.

Определение этнической принадлежности индивидуумом осуществляется путем принятия этнонима родителей. Иногда, особенно если родители — представители

разных этносов, дети принимают этническую принадлежность одного из родителей, как правило, отца, хотя зачастую этот выбор зависит от различных обстоятельств: семейных, культурных, социально-экономических, политических и т. д. Во многих странах имеет место прижизненная этническая адаптация: представители этнических меньшинств (чаще дети, родившиеся в данной стране) определяются как члены ее основного этноса. Так, среди калмыков-эмигрантов Европы и Америки в семье, где отец был буддистом, а мать — христианкой, законные дети были буддистами, а незаконный ребенок, рожденный во время временного разрыва и признанный мужем, был крещен [Aubin 1968: 34]. Некоторые исследователи в числе объективных параметров, на которых основывается этническое самосознание, выделяют, например, идентификацию с определенной этнической общностью, проявляющуюся в самоназвании. Обратим внимание на устойчивость таких важных признаков национального самосознания, как самоназвание этноса и родного языка. К примеру, волжские калмыки называют себя *хальмгуд* ‘калмыки’, иногда — *өөрднр* ‘ойраты’, калмыцкий язык — *хальмгкелн* ‘калмыцкий язык’; синьцзянские ойраты именуют себя *өөрднр*, что подтверждает тот факт, что истоки происхождения у этих этнических групп одни, хотя их развитие происходило в разных условиях.

Проявляясь в самоназвании, идентификация требует обоснований в виде идей, символов, обычно известных всем представителям этнической группы, и служит для выделения представителей этноса среди других этнических групп. К примеру, в своей однонациональной среде ойраты Синьцзяна определяют себя как ойраты, но в общегосударственном масштабе Китая их определяют и относят к монголам; при общении с представителями других этносов они себя сами идентифицируют как монголы. Этот же факт имеет место и среди американских калмыков.

Одним из основных элементов национального самосознания является представление этноса о себе, характерных чертах своего и других народов. Представление о типичных чертах собственной этнической общности познается в сравнении, путем сопоставления со свойствами «чужих» этнических общностей. Складывающиеся в ходе

межэтнического общения представления о своей и других нациях суммируют черты и выражают ценностное отношение к ним.

Межнациональные браки — явление, часто встречаемое также и среди калмыков Республики Калмыкия. Исследование этноязыкового самосознания у представителей национально-смешанных семей интересно с научной точки зрения, поскольку оно свидетельствует также об этноязыковых процессах в обществе, степени распространения двуязычия, поскольку в семье, где супруги являются представителями разных национальностей, возникает необходимость определения языка внутрисемейного общения, а также функционального распределения взаимодействующих родных языков супругов. Например, в процессе исследования таких семей в Республике Калмыкия большинство разнонациональных супругов назвали родным языком язык своей национальности. Это относится, в первую очередь, к русским, где этническая принадлежность сопровождается признанием в качестве родного русского языка. Среди калмыков этот показатель оказался ниже: 89 % у мужчин и 92 % у женщин. 11 % мужчин и 8 % женщин калмыков соответственно признают родным русский. Свободно владеют родным языком лишь 25 % мужчин-калмыков и 33 % женщин-калмычек из числа опрошенных, назвавших родным калмыцкий язык. Большинство калмыков, признавших родным русский язык, родились и выросли в городе, где этнический состав населения многонационален. Мотивируя свой выбор родного языка, большинство информантов, независимо от половозрастной, социальной, профессиональной принадлежности заявили, что данный язык — «язык предков», «язык их народа» [ЛААБ]. Отметим, что более 90 % опрошенных в Калмыкии разнонациональных супругов в семьях лучше всего владеют русским языком, что объяснимо, поскольку русский язык является языком межнационального общения в республике и имеет наиболее широкую функциональную дистрибуцию в республике. Это объясняет и то, что по материалам исследования 94 % супругов из калмыцко-русских и 95 % супругов из русско-калмыцких семей говорят между собой лишь на русском языке. Объясняется эта ситуация тем, что 95 % опрошенных супругов-калмыков лучше владеют русским языком, 5 % калмыков владеют русским и калмыцким языками в равной сте-

пени. Кроме того, большинство опрошенных супругов-русских калмыцким языком не владеют вообще или владеют на низком уровне понимания отдельных фраз и слов (22 %). Нельзя сказать, что здесь присутствует русско-калмыцкое двуязычие, т. к. о двуязычии можно говорить лишь в том случае, когда люди владеют вторым языком в степени, достаточной для общения и обмена информацией с носителями этого языка. Тем не менее, желание овладеть калмыцким языком проявили 39 % русских женщин и 15 % русских мужчин; 29 % женщин и 42 % мужчин калмыцкой национальности хотели бы овладеть или лучше знать родной калмыцкий язык [ЛААБ].

Проанализируем вопрос о повседневном использовании языков супругами из национально-смешанных семей. Так, большинство супругов обеих национальностей чаще всего используют русский язык. 97 % мужчин и 95 % женщин калмыцкой национальности используют на работе только русский язык. Языком общения с гостями в большинстве опрошенных национально-смешанных семей является русский язык. В калмыцко-русских семьях общаются на калмыцком языке с гостями своей национальности 15 % мужчин, 32 % общаются на смешанном русско-калмыцком языке. В русско-калмыцких семьях показатели ниже: лишь 6 % женщин-калмычек общаются с гостями своей национальности на калмыцком, 21 % — на смешанном русско-калмыцком. Следовательно, большинство разнонациональных супругов считают родным язык своей национальности. Более 45 % информантов обеих национальностей считают, что со своим народом их сближает общий национальный язык. Для большинства супругов калмыцкой национальности характерно желание в совершенстве овладеть калмыцким языком. В национально-смешанных семьях функционально доминирует русский язык. В целом, этническая принадлежность большинства опрошенных определяется языком, этнической принадлежностью родителей, близостью к культурным традициям своего народа, но эти признаки разнонациональным супругам присущи не в одинаковой степени. Для выходцев из национально-смешанных семей большое значение имеет место проживания и национальная государственность, для выходцев из мононациональной семьи этническая принадлежность определяется языком

и этнической принадлежностью их родителей. При рассмотрении взаимосвязи этнической идентификации родного языка детей в национально-смешанных семьях 7 % детей калмыцкой национальности, 11 % русской национальности из калмыцко-русских семей, 14 % детей, русских по национальности, и 3 % детей калмыцкой национальности из русско-калмыцких семей избрали свою этническую принадлежность на основании родного языка. Как правило, язык раннего детства и родной язык совпадают.

В ходе исследования выяснилось, что имя, данное ребенку при рождении родителями в национально-смешанных семьях, в определенной степени отражает их желание относительно его этнической принадлежности. Вероятно также, что имя определяет этническую самоидентификацию ребенка из этносмешанных семей. Среди наиболее популярных калмыцких имен встречаются Баатр, Мерген, Баирта, Санал, Саглара и т. д. Наиболее популярные русские имена — Олег, Игорь, Данил, Наташа, Светлана, Александр и т. д. Для последних десятилетий характерны также интернациональные имена — Герман, Анжела, Алина, Эмилия и т. д. У половины участвовавших в исследовании детей, имеющих калмыцкие и русские имена, имя, данное при рождении, и этническая самоидентификация совпадают. У части детей наблюдается противоречие между их личной самоидентификацией и приоритетом в этническом самосознании семьи, хотя, как было замечено, избранная этническая принадлежность детей в течение жизни может меняться. В большинстве смешанных семей дети между собой общаются лишь на русском языке.

На примере американских калмыков также прослеживаются интересные данные. У американских калмыков старшего и среднего поколений часто можно встретить очень редкие калмыцкие имена, которые у волжских калмыков не отмечаются, например, Араш, Джалса, Ная, Сар-Герел и т. д. Это говорит о национальной доминанте в их этническом самосознании. Но все-таки среди молодого поколения американских калмыков все чаще встречаются американские имена: Брайан, Эллай, Сьюзен, Шон и т. д. Исследование показало, что в русско-калмыцких семьях матери-калмычки общаются с детьми только на русском языке (92 %), на смешанном русско-калмыцком — 8 %. В калмыцко-русских семьях языком обще-

ния между отцом и детьми является русский язык (75 %), смешанный русско-калмыцкий (25 %). 86 % детей русских общаются с отцом только на русском, 14 % — на обоих языках; среди детей-калмыков показатели — соответственно 79 % и 21 %.

Несмотря на то, что калмыцкий язык редко используется в качестве языка внутрисемейного общения, 55 % родителей-калмыков считают, что они обучают своих детей родному калмыцкому языку, 94 % хотят, чтобы их дети владели калмыцким языком. Эти показатели характеризуют формирование и развитие этнического самосознания детей в национально-смешанных семьях.

Следовательно, этническое самосознание большинства опрошенных разнонациональных супругов в Республике Калмыкия характеризуется четкой структурой, что проявляется в четком определении этнической принадлежности, знании и потреблении национальной культуры, знании родного языка и стремлении супругов-калмыков в совершенстве овладеть им, связи со своей этнической общностью. В то же время наблюдается высокая степень потребления общегородской культуры, размытость отдельных элементов этнического самосознания; в сфере внутрисемейного общения информантов чаще всего используется русский язык; при чтении периодики, литературы, просмотре телепередач, прослушивании радио доминирует русский язык. Основной особенностью этнического самосознания младшего поколения в национально-смешанных семьях является размытость; выбор этнической принадлежности чаще всего связан с этнической принадлежностью отца и окружения. Дети в национально-смешанных семьях мало приобщены к национальным культурам своих родителей, хотя заметно, что родители в таких семьях стараются передать культурные элементы обеих культур детям. Предпочтение опережает языковую компетенцию, что говорит о том, что передача этноязыковой культуры в семье выполняется недостаточно.

Существует мнение, что доминантой национального характера являются национально-психологические специфические свойства членов этнической общности, исторически складывающаяся совокупность «своеобразных черт социального темперамента психологической стороны традиций и обычаев, привычек, эмоционально-

психологических реакций» [Дашдамиров 1983: 70]. Так, среди этноинтегрирующих факторов, сближающих с людьми своей национальности, 50 % ойратов Китая назвали язык, 50 % — культуру, менталитет и традиции. Кроме того, общность происхождения характеризуется ими не только как родство, но и как общность исторического прошлого членов этноса. Особенно сильно ойраты Китая ощущают принадлежность к своему народу при использовании родного языка в общении с представителями других национальностей, чтении национальной литературы, а также во время национальных праздников.

По мнению 90 % опрошенных информантов-ойратов Китая, для возрождения и развития языка необходима поддержка со стороны руководства, кроме того, для благоприятной ситуации необходимо изучать и развивать национальную культуру, письменность, учитывая менталитет народа. В то же время на вопрос «Насколько Вам близки китайцы?» большая часть (70 %) затруднились ответить, 10 % считают, что китайцы очень близки ойратам, 20 % ойратов указали на очень отдаленную близость к китайскому народу, причем 100 % опрошенных указали, что ойраты происходят от монголов. Среди этнодифференцирующих признаков, отличающих ойратов от других национальностей, проживающих в Китае, был назван язык (98 %), внешние черты лица (98 %), национальная одежда (25 %), национальные обычаи (69 %), религия (90 %), уровень жизни (32 %), поведение (63 %), род занятий, имена, пища, национальный менталитет, такие черты характера, как верность, доброта души, правдивость (40 %). Следует заметить, что указанное отличие ойратов по вероисповеданию связано с тем, что, к примеру, в Синьцзяне проживают в основном народности мусульманского вероисповедания (уйгуры, казахи, киргизы), а отличие по роду занятий подразумевает традиционную сферу деятельности ойратов — скотоводство, в которой заняты многие ойраты Китая. Одни и те же признаки чаще выступают скорее в качестве этнодифференцирующих, нежели этноинтегрирующих признаков. Это явление Л. С. Выготский объясняет так: «Сознание сходства требует более развитой способности обобщения, чем сознание различия; сознание сходства предполагает обобщение или понятие, охватывающее ряд

сходных объектов, тогда как осознание различий возможно и на чувственном уровне» [Выготский 1982: 78].

В конце 90-х гг. XX в. исследователь А. Б. Имкенова провела психологическое исследование этнической идентичности волжских калмыков в сравнении с идентичностью русских, проживающих в Республике Калмыкия. Исследователь делает верный вывод, что для малого этноса, в данном случае — калмыков, этническая идентичность является более значимой, чем для представителей большого этноса. Для калмыков значимыми идентификационными категориями явилась этническая принадлежность, затем — республиканская, общероссийская и религиозная. Среди признаков, которые роднят волжских калмыков со своим этносом, указаны обычаи (71 %), язык (54 %), общее историческое прошлое (57 %), внешность (57 %), религия (41 %). Язык в качестве важного этнодифференцирующего признака у волжских калмыков присутствует, несмотря на фактическое угасание языкового критерия. В результате исторического развития волжские калмыки переняли у русского населения язык, традиции, обычаи, оседлый образ жизни, земледелие. Исследователь приходит к выводу, что у волжских калмыков присутствует адекватное восприятие иной культуры, этническая толерантность, устойчивость к овладению навыками иной культуры при сохранении своей собственной, т. е. способность восприятия чужой культуры, адаптации по типу культурной интеграции. Следовательно, волжские калмыки обладают бикультурной идентификацией, которая сформировалась в результате длительного проживания в России, общим историческим прошлым народа России, знанием русского языка. Интересны данные по признакам, которые сближают волжских калмыков с русскими. В числе таких признаков информанты назвали: общее историческое прошлое и настоящее (57 %), язык (54 %), общее место проживания (53 %), черты характера (36 %) и т. д. [Имкенова 1999: 65–78]. Заметим, что под категорией «сближающий язык» подразумевается русский язык, так как русский язык для волжских калмыков на сегодня является функционально первым языком.

Многие свойства той или иной этнической группы, не играющие в условиях ее обычного этнического окружения роли отличительных признаков, после перемеще-

ния в новую этническую среду сразу начинают выполнять этнодифференцирующую функцию. Например, среди представителей калмыцкой общины в Москве часто можно встретить молодых людей, которые ранее не говорили на родном языке, но, проживая в другом городе, в условиях иноэтнического окружения во время встреч с сородичами на национальных праздниках стараются говорить на калмыцком, испытывают ностальгию по национальным традициям, песням и т. д.

Этническое самосознание взаимодействует не только с языковой, генетической, территориально-политической формами осознания этнической группы, но и с другими формами, прежде всего, религиозной. По мнению ученых, религиозное сознание может полностью заслонить этническое самосознание. Этому во многом способствует тот факт, что религиозная принадлежность выступает в качестве одного из этнических признаков в тех случаях, когда для контактирующих народов характерны религиозные различия. Как и другие этнические меньшинства, в ситуации вынужденного контакта калмыцкая община в Европе и Америке отделялась, чтобы сохранить свою религию, устремления к сохранению национальной принадлежности: они считали, что этого нельзя достичь, если не придерживаться ламаистской веры [Aubin 1968: 41]. Например, американские калмыки, в основном старшее поколение, большое значение придают знанию религиозных молитвенных текстов на калмыцком языке. Среди калмыков-эмигрантов первой волны были буддийские священнослужители, которые проводили религиозные службы, также выполняя роль учителей калмыцкого языка среди калмыков европейских стран и США. Существует мнение, что наполнение структурных звеньев самосознания, в частности калмыков, происходит через присвоение родовых ценностных ориентаций: среди американских калмыков много тех, кто знает свою родословную до девятого колена.

Этническое самосознание формируется в процессе самореализации, которое на современном этапе протекает в основном в условиях, где большую роль играют учебные заведения и средства массовой информации. Печать играет важную роль в этом процессе. В этот период усиливается интерес к прошлому, ценностям, осознанию места и роли народа в истории. Материалы перио-

дики, радио- и телевизионных передач отражают социокультурные и национальные интересы и цели, способствующие осознанию народом самого себя, своей этнической общности. Информация в газете может быть особенно эмоциональной и яркой, тем самым воздействуя на национальные чувства и ориентации читателей и влияя на формирование национального самосознания. Развитие этноязыкового самосознания во многом зависит от языковой ситуации, интенсивности и характера взаимоотношений между контактирующими этносами. Речевое поведение индивида зависит от ситуации социальных норм, языковой и общегосударственной политики. Примером может служить языковая политика Китая. Так, на работе 68 % ойратов Синьцзяна говорят на китайском и ойратском языках, 25 % — на ойратском, 25 % — на уйгурском и казахском, 7 % — только на китайском. Функциональная дистрибуция языков в данной языковой общности определяется многонациональным составом населения региона.

Красноречиво говорят об отношении ойратов Внутренней Монголии к необходимости владения языками следующие данные: 60 % информантов-ойратов считают, что все-таки необходимо владеть китайским и ойратским языками, но 40 % уверены, что для полноценного существования достаточно владеть только ойратским языком.

Язык определяет менталитет этноса и культурные нормы. Американский лингвист Г. Теодорсон писал: «Язык — это перевозка традиций, сохраняющихся и передающихся из поколения в поколение чувств, символов, эмоциональных ассоциаций и мифов» [Theodorson 1969: 443]. Оказывая влияние на менталитет народа, язык тем самым затрагивает и этническую культуру, как материальную, так и духовную. Элементами этнической культуры считаются обряды, фольклор, обычаи, уклад жизни, которые сохраняются и передаются посредством языка, устной речи представителей этнической общности.

Язык является одной из форм проявления самобытности этноса. Исследователи считают, чтобы сохранить самобытность, следует исключить культурную самоизоляцию, способствовать взаимовлиянию, контактам с другими этносами. Именно в сфере культуры в наибольшей степени проявляются и сохраняются специфические черты различных наций. Ученые указыва-

ют на спланированную способность обрядов и традиций как элементов «группового сознания», способствующего осознанию себя как единого целого с группой [Дюркгейм 1991]. Например, американские калмыки до сегодняшнего дня сохранили национальные обряды и уделяют им большое внимание. Некоторые из этих традиционных калмыцких обычаев в настоящее время не практикуются в Республике Калмыкия: в частности, в семьях обычно не одевают национальную одежду на праздники, свадьбы, среди американских калмыков же калмыцкие праздники не проводятся без этого, что свидетельствует о тяге к этническим корням. Особенно активна в этом отношении американская калмыцкая диаспора: очень часто они устраивают торжества по случаю таких национальных праздников, как *Цаһан сар* (праздник весны), *Зул* (праздник Нового года), на которые съезжаются калмыки других зарубежных диаспор. На подобных торжествах исполняются калмыцкие народные лирические, исторические, обрядовые песни, театральные постановки, причем в них принимают участие даже дети, которым специально шьют национальные костюмы, учат калмыцким танцам и песням (См. записи исполнения калмыцких песен американскими калмыками [ЛИААБ]). Вероятно, подтверждается бытующее среди исследователей мнение, что при территориальном отрыве людей от их этнической базы и изменении языка, психического склада и культуры этническое самосознание оказывается прочным элементом этничности.

Изучение этнокультурных ориентаций среди калмыков Республики показало, что наблюдается связь между владением родным языком и отношением к элементам национальной культуры: у волжских калмыков, среди которых отмечен высокий уровень компетенции в родном языке (в основном, представителей старшего поколения), более выражен интерес к национальным традициям, обрядам и одежде. В результате опросов среди ойратов Китая выяснилось, что 60 % информантов придерживаются традиций своего народа, 20 % знают традиции, но не придерживаются, 20 % затрудняются ответить.

Почти все информанты хорошо знают ойратских певцов и композиторов. В числе часто называемых певцов можно указать: Тенгр, Дедмя, Арюна, Саранг-Гова, Байсхан, Батсан, Чимидся, Мага, Манджиев

Аркадий, Алтн-Цецг, Чолун-Батыр, Ласру, Арюна; популярны такие национальные музыкальные группы, как «Хурда», «Чингисхан», «Хар-сарна», «Харнг». Это говорит о высоком этническом самосознании, гордости за свою национальную культуру и традиции. Будучи приглашенной Токийским университетом прочесть ряд лекций, я встретила синьцзянских калмыков, которые живут семьями в Японии. Многие из них являются высококвалифицированными специалистами в сфере компьютерных технологий, инженерии, медицины и т. д. Так, я была приглашена в гости в семью синьцзянских ойратов, преподавателей университета, и была приятно удивлена тем, что они, выразив большое желание пообщаться на родном ойрат-калмыцком языке, с трепетом расспрашивали о жизни калмыков России, а также с гордостью демонстрировали записи ойратских музыкальных ансамблей Синьцзяна. За несколько лет проживания в Японии все члены семьи хорошо овладели японским языком и свободно говорят на нем в общественных местах, на работе, в семейной сфере. И родители, и дети говорят на родном, ойратском, языке, в ситуации разговора между собой иногда прибегают к китайскому языку. Дети, кроме того, бегло говорят на английском языке, поскольку он рассматривается ими как социально значимый язык: знание английского языка предоставляет более широкие возможности, например, продолжить образование в Европе и Америке. Проживая среди разных народностей, в разных странах, они усвоили и различные культурные традиции, например, национальную кухню той или иной страны. К примеру, при подаче блюд к столу была соблюдена следующая очередность: вначале были поданы калмыцкие национальные блюда, затем — китайские, в последнюю очередь — японские. Понятно, что это говорит и о значимости той или иной культуры для них: на первом месте — национальная культура, традиции, затем — культура страны, где они родились, и на третьем месте — культура страны настоящего проживания.

Элементами этнического самосознания являются такие элементы культуры, как национальные песни, танцы, игры, поэтому высокий уровень самосознания среди ойратов отражают также следующие результаты опросов: 64 % ойратов Китая предпочитают петь на ойратском языке, 22 % — на китайском, 14 % — на других языках. Опрос

волжских калмыков и ойратов Китая показал, что и те, и другие усвоили народные песни в процессе общения с людьми старшего поколения, они знают свои народные песни и исполняют их на встречах с друзьями, родственниками. Характерно, что народные песни лучше знают женщины, родившиеся и выросшие в сельской местности и, как правило, представляющие среднюю и старшую возрастные группы. В младшей возрастной группе наблюдается меньшее количество знатоков национального песенного фольклора.

Среди ойратов Китая также отмечается высокий уровень знания фольклорного наследия предков. По результатам исследований, популярны следующие жанры национального фольклора: 94 % информантов знают пословицы и поговорки на ойратском языке, 90 % — обрядовые песни, 88 % рассказывают анекдоты на родном языке, 71 % рассказывают ойратские предания, 69 % знают сказки, 34 % поют частушки на ойратском языке [ЛААБ].

Данные опроса калмыцких школьников в Республике Калмыкия показали, что в основном все опрошенные увлекаются произведениями русской и зарубежной культуры. Произведения калмыцких писателей, поэтов, композиторов смогли назвать только 47 % информантов. Среди названных деятелей искусства можно указать Б. Басангова, П. Чонкушова, А. Манджиева и др. Из калмыцких артистов были названы В. Ильцаранова, В. Гаряева. Опрос показал, что школьники Республики Калмыкия мало интересуются калмыцкой национальной культурой. Оказалось также, что знание калмыцкого фольклора среди школьников Калмыкии находится на достаточно низком уровне: только 21,5 % опрошенных смогли назвать самые известные образцы калмыцкого фольклора, такие как «Кедея», «Семьдесят две небылицы», эпос «Джангар».

Ситуация среди ойратов Китая — совершенно противоположная. 90 % предпочитают читать произведения ойратских писателей и поэтов, и только 10 % предпочитают китайских авторов. Так, среди произведений ойратских писателей были названы: «Дольганта хяядг», «Амта бор» Хо Бада, «Мөртэ цергин дун», «Өмдрлин ул мөр» А. Очира, «Зүркнэ килн», «Манан Будн» Ч. Пюрвя, «Мини нутг» Нацг Дорджи, «Тунгглг Тямр», «Рассказы» Лодо Домба, «История о Гесере», «Джангар»; также были указаны писа-

тели Га-Гомба, Б. Ринчин, Чөөним. Информанты назвали и ойратских художников: Темс, Доода, Амур, Төмр.

Интересен тот факт, что в домашней библиотеке у 65 % опрошенных ойратов мало книг на ойратском языке, у 30 % — много и у 5 % их нет. Подобный опрос среди калмыков России показал противоположные результаты: у большинства опрошенных волжских калмыков в домашней библиотеке вообще отсутствуют книги на калмыцком языке, что, вероятно, в какой-то степени связано с тем, что издание книг на калмыцком языке в Республике Калмыкия крайне снижено. В Китае же в этом отношении дело обстоит гораздо лучше: достаточно вспомнить активную деятельность по изданию эпоса «Джангар».

В целом, во всех возрастных группах обнаружена высокая степень знания как своих национальных обычаев, традиций, так и знания национальных обычаев народностей, населяющих регионы проживания ойрат-калмыков. Чаще всего, это знания свадебной обрядности. Достаточно высока доля молодых волжских калмыков и синьцзянских ойратов, прежде всего женщин, которые хотят не только знать, но и по возможности соблюдать свои национальные традиции и обряды. Немало среди опрошенных информантов тех, кто знаком с литературой по истории и культуре своего народа, что отражает определенный уровень национального самосознания. Как для мужчин, так и для женщин характерно возрастание интереса к своей национальной культуре по мере увеличения возраста. Кроме того, на культурные ориентации информантов оказывают влияние образовательный уровень и социальное положение. Наиболее широк диапазон культурных интересов у интеллигенции, студентов, наименее узок у работников физического, неквалифицированного труда.

Материалы социолингвистического исследования позволили рассмотреть роль родного языка в развитии ойратов КНР и калмыков России, проанализировать структуру этноязыкового самосознания этнических групп ойрат-калмыков, проживающих в разных регионах мира. Основным социально-психологическим фактором, влияющим на витальность языка, является национальное языковое самосознание. Как выяснилось, независимо от степени языковой компетенции, национальный

язык остается важным фактором идентификации со своей этнической общностью. Данные показывают, что калмыцкий язык в качестве родного языка в сознании калмыков занимает прочную позицию, несмотря на то, что, возможно, назвавшие язык своей национальности родным языком в реальности могут и не владеть им. Разница заключается в подходе к пониманию явления «родной язык». Волжские калмыки, в основном, подразумевают под «родным языком» некий «этнический символ», а для ойратов Китая «родной язык» — это действительно «язык матери», язык семейного общения, на основе которого формируются первичные речевые навыки. Волжские калмыки в большинстве родным языком владеют плохо, либо не владеют вообще, у них заметно выражен складывающийся годами процесс обрусения, сильное культурное влияние доминантной общности, хотя и наблюдается высокий уровень этноязыкового самосознания. При переходе этноса на другой доминирующий в обществе язык прежде всего реагирует сфера духовной культуры, что подтверждает пример волжских калмыков. Ойратов Китая отличает то, что они в большей степени интегрированы в собственный этнос. Родной язык, являющийся носителем традиций, истории и культуры народа, функционирует в качестве внутриэтнического коммуникативного средства и, следовательно, занимает более важное место в этноязыковом самосознании. Исследование показало также взаимообусловленность трех звеньев двуязычия: языковой компетенции, ценностной языковой ориентации, речевой деятельности. Более тесная взаимосвязь, взаимодополнение этих компонентов говорит об оптимальном развитии языковых процессов, примером чего могут служить ойраты Китая. Очевидно, чем больше сфер функционирования у национального языка, тем меньше потребность представителей этнической группы во втором языке.

Как видим, функциональное развитие ойрат-калмыцкого языка, языковая ситуация среди языковых общностей ойратов и калмыков в разных регионах мира неоднозначна. Несомненно, приоритетной на сегодня для калмыцкой общественности является задача восстановления и сохранения общественных функций родного языка, формирования и укрепления этноязыкового самосознания.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-24-09001 «Закономерности социокультурного развития языков в полиэтнических странах мира (Россия–Вьетнам).

Источники

ЛААБ — Личный архив А. Н. Биткеевой (2002–2016).

Литература

- Бромлей Ю. В.* К вопросу о влиянии особенностей культурной среды на психику // Советская этнография. 1983. № 3. С. 68–75.
- Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
- Будилова Е. А.* Социально-психологические проблемы в русской науке. М.: Наука, 1983. 230 с.
- Вундт В.* Проблемы психологии народов. М.: Космос, 1912. 132 с.
- Выготский В. Л.* Сознание как проблема психологии М.: Искусство, 1982. 576 с.
- Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994. 640 с.
- Гучинова Э.-Б. М.* Вынужденные переселения и этническое самосознание (на примере этнополитической истории калмыков в XX в.): дис.... докт. ист. наук. М., 2004. 452 с.
- Даидамиров А. Ф.* К методологии исследования национально-психологических проблем // Советская этнография. 1983. № 2. С. 62–74.
- Дробизева Л. М.* Влияние этноконтактной среды на межнациональные отношения // Социальная психология и общественная практика. М., 1985. С. 117–123.
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 572 с.
- Здравомыслов А. Г.* Этнополитические процессы и динамика национального самосознания россиян // Социс. 1996. № 12. С. 23–32.
- Имкенова А. Б.* Этническая идентичность калмыков. Элиста: Джангар, 1999. 91 с.
- Козлов В. И.* Современные этнические процессы в СССР (к методологии исследования) // Советская этнография. 1969. № 2. С. 60–72.
- Козлов В. И.* Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Советская этнография. 1974. № 2. С. 78–84.
- Кушнер П.* Этнические территории и экономические границы. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 280 с.
- Лебон Г.* Психология народа и масс. СПб.: Изд-во Павленко, 1896. 332 с.
- Москалев А. А.* Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999). М.: Памятники ист. мысли, 2001. 224 с.
- Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Психология национальности. Петербург: Время, 1922. 40 с.
- Потебня А. А.* Мысль и язык. Харьков: Изд-во «Мирный Труд», 1913. 222 с.
- Тишков В. А.* Межнациональные отношения в Российской Федерации. Доклад на заседании Президиума РАН 23 февраля 1993 г. М.: ИЭА РАН, 1993. 72 с.
- Чешко С. В.* Распад Советского Союза. М.: ИЭА РАН, 1996. 398 с.
- Этнические и этно-социальные категории / под общ. ред. акад. Ю. В. Бромлея и проф. С. И. Вайнштейна; отв. ред. В. И. Козлов. М.: ИЭА РАН, 1995. 216 с.
- Aubin F.* Une societe d'emigres: la colonie des Kalmouks de France // L'annee sociologique. 1968. P. 133–215.
- Dashefsky A., Shapiro H. M.* Ethnic identification among American Jews. Socialisation and Social Structure. Lexington, MA: Lexington Books, 1974. 290 p.
- Moerman M.* Ethnic identification in a complex civilization: who are in the Lue? // American Anthropologist. 1965. Vol. 67. P. 1219–1229.
- Theodorson George and Achilles G.* A modern dictionary of sociology. Vol. VI. New York: Crowell Publ., 1969. 469 p.

Sources

ЛААБ — *Lichnyy arkhiv A. N. Bitkeevoy (2002–2016)* [A. Bitkeeva's personal archive].

References

- Bromley Yu. V. *K voprosu o vliyanii osobennostey kul'turnoy sredy na psikhiku* [Cultural environment and its impact on an individual's state of mind]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography journal], 1983, No. 3, pp. 68–75 (In Russ.).
- Bromley Yu. V. *Ocherki teorii etnosa* [Sketches on the theory of ethnos]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 412 p. (In Russ.).
- Budilova E. A. *Sotsial'no-psikhologicheskie problemy v russkoy nauke* [Social and psychological problems in Russian science]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 230 p. (In Russ.).
- Vundt V. *Problemy psikhologii narodov* [Problems of ethnic psychology]. Moscow, Kosmos Publ., 1912, 132 p. (In Russ.).
- Vygotsky V. L. *Soznanie kak problema psikhologii* [Mind as a problem of psychology]. Moscow, Iskustvo Publ., 1982, 576 p. (In Russ.).
- Gumilev L. N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the biosphere]. Moscow, Dik Publ., 1997, 640 p. (In Russ.).

- Guchinova E.-B. M. *Vynuzhdennye pereseleniya i etnicheskoe samosoznanie (na primere etnopoliticheskoy istorii kalmykov v XX v.): dis.... dokt. ist. Nauk* [Deportations and ethnic identity (evidence from ethno-political history of the Kalmyks in the 20th c.). A Ph. D. thesis]. Moscow, 2004, 452 p. (In Russ.).
- Dashdamirov A. F. *K metodologii issledovaniya natsional'no-psikhologicheskikh problem* [Revisiting research methods of ethno-psychological problems]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1983, No. 2, pp. 62–74 (In Russ.).
- Drobizheva L. M. *Vliyanie etnokontaktной sredi na mezhnatsional'nye otnosheniya* [Influence of ethnic environment on interethnic relations]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvennaya praktika* [Social psychology and practices]. Moscow, 1985, pp. 117–123 (In Russ.).
- Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [The division of labor in society]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 572 p. (In Russ.).
- Zdravomyslov A. G. *Etnopoliticheskie protsessy i dinamika natsional'nogo samosoznaniya rossiyan* [Ethno-political processes and dynamics of national identity of Russia's citizens]. *Sotsis (journal)*, 1996, No. 12, pp. 23–32 (In Russ.).
- Imkenova A. B. *Etnicheskaya identichnost' kalmykov* [Ethnic identity of the Kalmyks]. Elista, Dzhangar Publ., 1999, 91 p. (In Russ.).
- Kozlov V. I. *Sovremennye etnicheskie protsessy v SSSR (k metodologii issledovaniya)* [Contemporary ethnic processes in the USSR]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1969, No. 2, pp. 60–72 (In Russ.).
- Kozlov V. I. *Problema etnicheskogo samosoznaniya i ee mesto v teorii etnosa* [The problem of ethnic identity and its place in the theory of ethnos]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1974, No. 2, pp. 78–84 (In Russ.).
- Kushner P. *Etnicheskie territorii i ekonomicheskie granitsy* [Ethnic territories and economic borders]. Moscow, USSR Acad. of Sc. Press, 1951, 280 p. (In Russ.).
- Le Bon G. *Psikhologiya naroda i mass* [The psychology of peoples]. St. Petersburg, Pavlenko Publ., 1896, 332 p. (In Russ.).
- Moskalev A. A. *Teoreticheskaya baza natsional'noy politiki KNR (1949–1999)* [Theoretical basis of the PRC's national policies (1949–1999)]. Moscow, Pamyatniki Ist. Mysli Publ., 2001, 224 p. (In Russ.).
- Ovsyanniko-Kulikovskiy D. N. *Psikhologiya natsional'nosti* [Psychology of nationality]. St. Petersburg, Vremya Publ., 1922, 40 p. (In Russ.).
- Potebnaya A. A. *Mysl' i yazyk* [Thought and language]. Kharkov, Mirny Trud Publ., 1913, 222 p. (In Russ.).
- Tishkov V. A. *Mezhnatsional'nye otnosheniya v RF. Doklad na zasedanii Prezidiuma RAN* [Interethnic relations in Russia. Report at the Presidium of the RAS]. Moscow, Institut of Ethnography and Anthropology (RAS) Press, 1993, 72 p. (In Russ.).
- Cheshko S. V. *Raspad Sovetskogo soyuza* [Decline of the USSR]. Moscow, Institut of Ethnography and Anthropology (RAS) Press, 1996, 398 p. (In Russ.).
- Etnicheskie i etno-sotsial'nye kategorii: Svod etnograficheskikh ponyatiy i terminov. Vyp. 6* [Ethnic and ethno-social categories: a collection of ethnographic concepts and terms. Iss. 6]. Moscow, Institut of Ethnography and Anthropology (RAS) Press, 1995 (In Russ.).
- Aubin F. *Une societe d'emigres: la colonie des Kalmouks de France* [An expatriate community: the Kalmyk camp in France]. *L'annee sociologique*. 1968 (In French).
- Dashefsky A., Shapiro H. M. *Ethnic identification among American Jews. Socialization and Social Structure*. Lexington, MA: Lexington Books, 1974, 290 p. (In Eng.).
- Moerman M. *Ethnic identification in a complex civilization: who are in the Lue?* *American Anthropologist*, 1965, vol. 67, pp. 1219–1229 (In Eng.).
- Theodorson G. and Achilles G. *A modern dictionary of sociology*. New York, Crowell Publ., 1969, 469 p. (In Eng.).

УДК 930.85+811.512.31

РОДНОЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВААйса Николаевна Биткеева¹

¹ доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН (Москва, Российская Федерация).
E-mail: aisa_bitkeeva@yahoo.com.

Аннотация. В статье анализируется роль родного языка в контексте многонационального государства, специфика формирования этноязыкового самосознания под воздействием социо-исторических, глобализационных трансформаций общества, зависимость уровня этноязыкового самосознания от уровня языковой компетенции на примере ойратов Китая и калмыков России. В последние десятилетия особенно актуальной стала проблема исследования этноязыкового фактора в этническом самосознании этносов, характеризующаяся тенденцией роста этничности в обществе. Этому способствует ряд причин, в числе которых — стремление возродить и сохранить национальное самосознание, важными составляющими которого являются национальный язык, культура. Процессы изменения этноязыковой специфики национального самосознания коснулись как российских калмыков, имеющих отдельное территориальное образование и являющихся составной частью российского этноса, так и ойратов Китая и Монголии, проживающих небольшими диаспорами в разных регионах мира. Попытки формирования в настоящее время нового национального самосознания калмыцкого этноса говорят о том, что ревитализация этнической идентичности в культурном и политическом плане необходима калмыкам, утратившим ее в силу разных объективных и субъективных причин. В статье на материале социолингвистических исследований, проведенных автором статьи в период с 2002 по 2016 гг. рассматривается роль родного языка в развитии ойратов Китая и российских калмыков, структура этноязыкового самосознания и языковые трансформации у ойратоязычных этнических групп, проживающих в разных регионах мира.

Ключевые слова: родной язык, языковые аттитюды, этноязыковое самосознание, языковая ситуация, языковая политика, полиэтничное государство.